

ПРОЛОГ

Пэйси

Черт, ну я и идиот.

Спорим, никогда не слышали подобное от мужчины?..

Ага, так я и поверил! Да каждый мужик на планете по меньшей мере раз десять произносил эти заветные слова.

Я столько раз вел себя по-идиотски, что давно сбился со счета. Но на этот раз...

На этот раз я крупно облажался.

Ну что, заинтригованы? Хотите знать, почему я называю случившееся фатальной ошибкой?

Легко.

Отвечу одним словом... любовь.

Ладно-ладно, знаю, я не первый парень, который совершил ошибку, когда дело дошло до любви. Честно говоря, уверен, такова человеческая природа — косячить в сердечных делах. Но со мной подобное случилось впервые, поэтому-то я и считают этот раз особенным.

Да, в этом деле я новичок.

Девственник... ну, не в прямом смысле, а в отношениях. В моей жизни было много секса. Может, не стоит лишний раз уточнять, но у меня немалый опыт.

Видите ли, в этом-то и проблема. Прямо перед носом. Я часто сначала говорю, а уже потом думаю. Хотелось бы свалить вину на травму, которая для меня практически ознаменовала конец сезона, но тогда я просто переведу стрелки. А ведь проблема в том, что я недоумок.

Надоело, что я хожу вокруг да около? А окажись вы у меня в постели, вряд ли стали бы жаловаться.

Знаю-знаю, я сам себя раздражаю.

Итак, я облажался. Как? Ну, все просто...

На улице ливень.

В коттедж случайно забредает девушка.

Она остается с нами... Не волнуйтесь, мы еще обсудим подробности.

И выясняется, что эта девушка — бывшая моего сводного брата.

Она об этом не знает.

А вот я — наоборот.

Думаете, я сообщаю ей об этом?

Хм, с чего бы? Так поступают умные люди, а я, как мы выяснили, тупица.

Узнает ли она обо всем? Ага.

Приходит ли в ярость? О да, еще как.

Оставляет ли меня одного, опечаленного и лишённого любви? Однозначно.

Заслуживаю ли я такого? Больше, чем вы думаете.

Но как считаете, полагается ли мне шанс на то, чтобы попробовать вернуть ее любовь?

Нет? Что?

До того, как принять решение, вам стоит послушать историю целиком. Потому что я почти уверен: вы измените свое мнение.

ГЛАВА 7

Пэйси

— Мужик, ты портишь весь кайф, — жалуется из бассейна Хорнсби. — Не заставляй меня включать главного и выключать Wi-Fi.

Игнорируя его, я еще раз смотрю видео на своем телефоне. Финт влево, затем вправо, скрестный шаг, удар в верхний левый угол... и он, вашу мать, забивает гол.

Все просто.

Любой подросток способен проделать такой маневр. Черт, я бы даже не назвал это маневром, всего лишь базовый навык хоккеиста.

И все-таки я не остановил его.

— Смотри сколько хочешь, все равно уже ничего не изменишь, — подает голос Тейтерс, наш правый нападающий.

— Но почему, как мы пропустили такой бросок? — Я швыряю телефон на большой шезлонг, ложусь и провожу рукой по волосам. — Элементарный трюк, а я позволил шайбе проскользнуть прямо между собственных ног.

— Не из-за нее мы вылетели из плей-офф, — отвечает Тейтерс. — Каждый сыграл свою роль в этом провальном матче.

Согласен, вот только именно этот удар принес победный гол, а значит, вина лежит на мне.

— Но теперь-то ничего не поделаешь, — замечает Илай Хорнсби, самый симпатичный защитник в команде. Он закладывает руки за голову, откидывается назад и расслабляется, принимая наше поражение. Не знаю, как ему это удастся. Я все еще не пришел в себя после проигрыша и вылета из плей-офф. — И ты помнишь первое правило, когда мы оказываемся в коттедже?.. — продолжает он.

— Ни слова о гребаном хоккее, — отвечает Поузи, а затем разбегается, подпрыгивает и бомбочкой ныряет в бассейн.

Каждое лето после окончания сезона мы с парнями отправляемся в коттедж Сайласа Тейтерса, который находится в городе Банф, в Канаде. Вообще-то это настоящий особняк, но он называет его коттеджем, и тут мы снимаем стресс. Забываем о сезоне, наслаждаемся солнцем, живописными видами гор и просто... валяем дурака.

Коттедж — идеальное для этого место: вид на канадские Скалистые горы, уютная атмосфера маленького городка, никакой суеты Ванкувера и отсутствие тренировочных центров, лишь тренажерный зал стоимостью в миллион долларов в так называемом подвале так называемого коттеджа.

Но в этом году мне не до отдыха. Не тогда, когда мы были так близки к нашей третьей победе в чемпионате. Я жаждал этого триумфа. Не знаю, сколько мне осталось провести перед сеткой — учитывая, насколько мы приблизились к выходу в финал и возможности снова поднять над головой Кубок Стэнли и кататься по льду, зная, что наша команда, «Ванкуверские задиры», — номер один... Черт, из-за всего этого у меня болит душа.

Я думал, что в этом году у нас все получится. Мы были уверены в победе.

Звездная команда.

Фаворит таблицы.

А в итоге взяли и сели в лужу.

Как парни могут так спокойно воспринимать провальное окончание сезона?

— Хватить хмуриться, — говорит Тейтерс, брызгая водой в мою сторону.

Сайлас Тейтерс — дьявольски быстрый правый защитник — в настоящее время держится враждебно по причинам, в которые мы не станем вдаваться, а еще славится тем, что использует сарказм, чтобы провоцировать окружающих, и успешно справляется с задачей. Он подписал контракт в том же году, что и я, и знаю, он не меньше моего хотел заполучить кубок. Получается, у него либо стадия отрицания, либо он отлично умеет абстрагироваться.

Я встаю с шезлонга и объявляю:

— Пойду за выпивкой.

— Если так, будь джентльменом и принеси выпить всем, — просит Хорнсби.

Илай Хорнсби — главный красавчик команды. Черт возьми, главный красавчик всей лиги. Безупречные зубы, красивый нос, идеальное лицо. Он чертовски силен, у него шикарные бедра, и он самый озабоченный придурок, которого я знаю. Он наверняка переспал практически со всеми незамужними женщинами в Ванкувере. Тренируется как зверь, веселится так, будто это его работа, ест так, словно завтра еда исчезнет, а на следующий день повторяет все сначала. Образ жизни Илая вызывает у меня тревогу, и именно он всегда пытается заставить меня «расслабиться».

— Хочешь шоколадного молока? — поддразниваю я его.

Он потирает крепкую грудь.

— Я в курсе, что молоко полезно для здоровья, но принеси мне пива.

Я закатываю глаза и из крытого бассейна направляюсь напрямиком в дом. Тейтерс говорит, что помещение называ-

ется нататориум, но это просто модное слово для патио, огороженного раздвижными стеклянными дверями. И все равно здесь классно, потому что с открытыми дверями чувствуешь себя так, будто находишься на улице, а когда становится холодно, можно включить подогрев воды, закрыть двери и продолжать плавать.

Я захожу на кухню как раз в тот момент, когда Поузи закрывает холодильник. Пойман с полчным — во рту кусок болонской колбасы, а в каждой руке по банке пива.

Леви Поузи — главный задира нашей команды и настоящий зверь. Известен тем, что внешне похож на плюшевого мишку, а на льду ведет себя как сам дьявол, способный впечатать противника в борта, из-за чего бедняга будет чувствовать себя так, будто его сбил товарняк.

— Зачем ты ешь эту хрень? — спрашиваю я.

Вынув изо рта колбасу, он отвечает:

— Не исключено, что у меня проблема, но сомневаюсь, что мне требуется помощь в ее решении.

Поузи — раб болонской колбасы. Перед каждой игрой он съедает бутерброд с ней и горчицей. Я нахожу эту привычку омерзительной, меня тошнит при одной мысли о том, что он катается с такой тяжестью в животе.

— Ты взял одно пиво себе, а второе кому-то другому?

Он смотрит на банки, затем обратно на меня.

— Э-э-э, нет. Это все мне.

— Будь другом, принеси по банке Жеребцу и Тейтерсу. — Я прохожу мимо него и открываю холодильник. Все полки заставлены пивом, даже отсек с деликатесами, где Поузи хранит свою колбасу. Когда мы в коттедже, к нам всегда приезжает шеф-повар. Спокойный мужчина, который готовит для нас еду. И он должен заскочить сегодня, поэтому сейчас в холодильнике только пиво.

Очень много пива.

Его столько, что, приди кто-то посторонний, он мог бы решить, что у нас проблемы с алкоголем. Но мы выпиваем по банке за раз — своего рода способ снять напряжение после долгого сезона.

Именно так мы расслабляемся.

И пытаемся забыть.

Я беру банку для себя и закрываю дверь. Обвожу взглядом гостиную с открытой планировкой и спрашиваю:

— Где Холмс?

— Скорее всего, на балконе, именно там я видел его в последний раз, — отвечает Поузи.

— Он пил?

— Не-а, еще нет.

Я снова открываю холодильник, беру пиво для Холмса и отправляюсь наверх на балкон, потому что знаю наверняка — страдать приятнее в компании.

— Уверен, он хочет, чтобы его оставили в покое, — обращается ко мне Поузи.

— А когда бывало иначе?

Перепрыгивая через две ступеньки за раз, я поднимаюсь на второй этаж.

Все находящиеся в коттедже парни — холостяки, так что мы договорились приезжать сюда в межсезонье, пока остальные члены команды отдыхают со своими семьями и девушками. И нам отлично подходит такой вариант.

Особенно Холмсу, который чаще всего предпочитает проводить время наедине с собой.

Как и предположил Поузи, я нахожу друга на балконе. Он сидит в кресле-качалке, плечи опущены, взгляд устремлен на колени, а не на величественные горы перед ним.

Холси Холмс — лучший центровой¹ на льду, он настолько мастерски орудует клюшкой, что вы даже не пой-

¹ Центровой — игрок центра, средней части поля.

мете, что он пытался забить гол, пока не услышите сирену. Парень — рекордсмен по количеству голов и результативных передач. Он — то звено, которое на льду сплачивает команду, хотя за пределами площадки позволяет себе упиваться горем. Два года назад он потерял брата-близнеца Холдена в автомобильной катастрофе. Будучи одним из трех сыновей Холмсов, профессионально играющих в хоккей, Холси отдалился от семьи, забил на личную жизнь и сосредоточился лишь на хоккее. Он приезжает в Банф лишь потому, что мы его заставляем. А уезжая и возвращаясь к играм в межсезонье, мы все помогаем ему.

Отдвигаю дверь на балкон, но Холси даже не смотрит, кто пришел. Я протягиваю ему пиво, и он берет его.

— Не против, если я присоединюсь к тебе?

— Нет, — открывая свое пиво, отвечает он.

— Не могу сидеть там, когда они делают вид, будто мы не угробили шанс на выход в плей-офф. — Когда Холмс ничего не отвечает, я продолжаю: — Прошла неделя, а я все еще вспоминаю тот последний гол, снова и снова прокручиваю этот момент в голове.

— Ты оцепенел, — поднося пиво к губам, выдает он.

— Что?

— Я видел, как все произошло. Как только Фредерик занес ногу для маневра, ты напрягся всем телом и застыл.

— Я не...

— Ты продолжаешь бояться, — не глядя на меня, произносит Холмс. — Ты — вратарь, а значит, должен оставаться бесстрашным. Во время игры твое тело — часть команды, оно действует так, как нужно команде. А ты ведешь себя так, будто можешь управлять им как хочешь, и потому пропустил эту шайбу. — Я молчу, и он продолжает: — Докажи, что я ошибаюсь.

Самое хреновое, что я не могу.

Один долбаный удар. Один бросок, и я... отключился.

Как вратаря, меня не должно беспокоить подобное. Но когда я понял, что есть определенные проблемы, дело приняло иной оборот.

Я подношу банку к губам и отвечаю:

— Не могу.

И я не вру — это невозможно.

Он прав.

Если подумать, я действительно замер.

В тот самый момент, когда увидел, как Фредерик ставит ногу и поднимает клюшку, по моей шее поползли мурашки, как бывает всякий раз, когда я жду броска. Но тогда я действовал недостаточно быстро. В тот момент я позволил страху поглотить меня.

Внезапно вдалеке в горах раздается раскат грома. Облака летят с бешеной скоростью, недавно голубое небо быстро меняет цвет, становясь серым.

Надвигается буря.

И речь не только о погоде.

Потому что внутри меня тоже назревает ураган.

— Вряд ли сегодня стоит ждать Стефана. — Поузи сидит за барной стойкой на кухне, в руке очередной кусок болонской колбасы.

— А как иначе, — заглядывая в холодильник, отвечает Хорнсби. — Из еды у нас только печенье и сырны крекеры.

— Не забудь про мою колбасу, — вставляет Поузи. — Могу сделать сэндвичи на всех.

— Никому не нужна твоя чертова колбаса, — говорю я, и урчание в моем желудке звучит так же громко, как раскаты грома за окном.

Погода сильно ухудшилась. Сотовая связь в лучшем случае работает с перебойми, интернета нет, по окнам

хлещет дождь, а молнии освещают темное ночное небо. Гроза настолько сильная, что с каждым раскатом грома чувствуешь, как содрогается дом.

Стефан — наш шеф-повар, лучший из тех, кого можно найти здесь на эту роль. И, к сожалению, думаю, Поузи прав. Ему ни за что не добраться сюда. Коттедж находится на вершине крутого холма. Когда идет дождь, он превращается в грязную горку, так что даже грузовику Стефана не под силу взобраться по местной грунтовке.

— Я смогу до утра продержаться на печенье, — Хорнсби берет в руки упаковку. Прищуривается, вытаскивает из нее пластиковый пакет и увидев, что тот пуст, бросает злой взгляд на Поузи, который упорно отказывается смотреть ему в глаза.

— Поузи, какого хрена? Ты съел все печенье?

— С чего ты решил, что это я? — Он разводит руками. — Мы все знаем, что это может быть дело рук Холмса.

— Я ни при чем, — доносится с дивана, где Холмс читает книгу. Поузи мог бы выбрать более подходящую кандидатуру. Холмс — отшельник, он не станет проводить время на кухне за поеданием сладкого.

— Только ты торчишь весь день на кухне, — Тейтерс выхватывает у Хорнсби пакет. — И кто вообще оставляет пустую упаковку? Свинство.

— Откуда мне было знать, что погода испортится? Если кто и виноват, так это ты, Тейтерс. Ты здесь хозяин, а значит, должен обеспечить нас едой, — приводит Поузи веский аргумент.

— Я так и сделал. Нашел Стефана.

Поузи складывает руки на груди.

— Придурок, мы все знаем, чем обернулась эта затея.

Очередной раскат грома побуждает нас всех поежиться.

— Считаешь, нам никак не доехать до города? — спрашиваю я.